

Снетова Нина Васильевна

Пермский государственный научный исследовательский университет
Snetova@mail.ru

**ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX ВЕКА:
А.И. ГЕРЦЕН, Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, Н.Н. СТРАХОВ**

В статье рассматриваются различные аспекты концепции истины, развивавшиеся тремя русскими философами XIX века. Показывается, что концепции укладываются в классическую парадигму трактовки истины и сохраняют свою актуальность в настоящее время, помогая критически осмыслить новейшие интерпретации истинности знания.

Ключевые слова: русская философия, русский органицизм, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.Н. Страхов, истина, скептицизм

Snetova Nina Vasilievna

Perm State National Research University
Snetova@mail.ru

**THE PROBLEM OF TRUTH
IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE XIX CENTURY:
A.I. HERZEN, N.G. CHERNYSHEVSKY, N.N. STRAKHOV**

The article discusses various aspects of the concept of truth, developed by three Russian philosophers of the XIX century. It is shown that concepts fit into the classical paradigm of interpretation of truth and retain their relevance at the present time, helping to critically comprehend the latest interpretations of the truth of knowledge.

Key words: Russian philosophy, Russian organism, A.I. Herzen, N.G. Chernyshevsky, N.N. Strakhov, truth, skepticism.

Представление об истине сопровождает всю историю человечества, присутствуя в сознании человека, как на уровне обыденного понимания, так и являясь предметом специального философского осмысления. Понятие истины — понятие фундаментальное, играющее важнейшую роль и в практической жизни людей, и в научном познании. Оно связывает философское, естественнонаучное, социально-гуманитарное знание и социальную практику. Именно владение *истинными* представлениями о действительности обеспечивает успешность всей общественной практике человечества, которая выступает критерием истинности представлений о мире.

Фундаментальность проблемы истины заявлена уже в учении до-сократиков. Именно в древнегреческой философии появляется концепция истины, которая названа классической. Аристотель писал: «Истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным, а связанное — связанным, а ложное — тот, кто думает обратное тому, как дело обстоит с вещами» [1, с. 250]. Таким образом, истина начинает пониматься, как соответствие мысли действительности.

Эпистемологические проблемы оказываются в центре внимания философских исследований в XVII в. Повышенный интерес к процессу познания в эту эпоху обусловлен экономическими и техническими потребностями. Многочисленные технические изобретения, в которых нуждалось производство, начинают осуществляться на основе научного объяснения установленных природных закономерностей. Новое время характеризуется развитием опытного естествознания. Происходит становление научной картины мира. Наука и истинное знание начинают восприниматься как высшие ценности. Наибольших успехов достигает механика, использовавшая математический аппарат. Формируется механистическое мировоззрение и механистический научный стиль мышления. Отвечая на запросы развивающегося естествознания, ставившего цель получения объективно истинного знания, философы разрабатывают два уровня методологии научного познания: эмпирический и теоретический. В XVII в. в гносеологии также возникают два учения: рационализм и сенсуализм, — в которых объясняется познавательный процесс, дается ответ на вопрос о критериях истины и т. п. В рамках рационалистической парадигмы критериями истинности обосновываются всеобщность и необходимость. В дальнейшем значительный вклад в решение проблемы истины внесла немецкая классическая философия, прежде всего, в лице Гегеля, предложившего диалектический подход к пониманию процесса познания.

Гегель оказал существенное влияние на развитие отечественной философской мысли XIX в., в частности, на осмысление проблемы истины в творчестве А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и Н.Н. Стрехова. Эти мыслители относятся к разным философским направлениям. Герцен и Чернышевский формировали материалистское воззрение на мир. Стрехов же считал истинным мировоззрением идеализм. В то время как Владимир Соловьев в их полемике прямо обвинял Стрехова в материализме. Примечательно, что, несмотря на такое различие

во взглядах, у мыслителей в понимании истины много общего. В мировоззрении всех трех мыслителей присутствуют взгляды, характерные для *русской* философской мысли, хотя Герцена и Чернышевского относят к представителям западничества, а Страхова — к неославянофилам. Как справедливо замечает О.Д. Маслобоева: «Отечественная концепция истины сложилась как результат единства актуализации специфики российского менталитета и освоения потенциала мировой философской мысли в контексте евразийского синтеза, также обусловленного особенностями нашей национальной духовности, эволюционирующей в пространственно-временных координатах российской истории. Специфика отечественного миропонимания наиболее глубоко отрефлексирована представителями российского органицизма и космизма» [2, с. 120].

Гегеля, на наш взгляд, можно причислить к такому направлению, как органицизм, поскольку он содержит диалектический подход. Н.Н. Страхов считал, обосновывая органическое мировоззрение, что органические категории появились из немецкой философии [см. 3]. Истина в диалектическом понимании предстает как процесс.

Все три мыслителя были хорошо знакомы с гегелевской философией, оценили диалектический метод, овладели им и в понимании истины исходили из него. Несмотря на то, что в раннем творчестве А.И. Герцена весьма сильно влияние Гегеля, но при этом у него сразу обнаруживается неприятие спекулятивности, оторванности от жизни гегелевских построений. В работе «Дилетантизм в науке» (1843 г.), центральной проблемой оказывается проблема истины в науке, связь истинного знания с социальной практикой, что характеризует Герцена как представителя исконно русской философской мысли. Наука трактуется как «живой организм, которым развивается истина». При этом *органическому* пониманию истины противопоставляется *механистическая* ее интерпретация, в которой наука и истина понимаются как «некая сумма сведений»: «Все живое живо и истинно только как целое, как внутреннее и внешнее, как всеобщее и единичное — сосуществующее» [4, с. 127]. Отечественный философ критикует формалистов в науке: «В науке истина, облеченная не в вещественное тело, а в логический организм, живая архитектурной диалектического развития...» [4, с. 141]. Истина не должна замыкаться на себе, она должна выходить в жизнь и стать осуществленным идеям.

Герцен понимает истину как объективную, но эта объективность, в отличие от формалистов, не означает для него беспристрастность, равнодушие ученого к тому, что представляет собой социальная действительность. Беда формалистов (он их называет буддистами от науки, талмудистами) в том, что они не чувствуют потребности выхода в жизнь. «Наука покорила человеку мир, больше — покорила историю не для того, чтобы он мог отдыхать» [4, с. 143]. Согласно Герцену, овладев научной истиной и руководствуясь ею, человек осознанно, «с полной нравственной свободой», может изменять окружающее, не устраивающее его. Ученый не может быть равнодушен «ко всему человеческому».

Проблеме истины посвящена у Герцена еще одна философская работа «Письма об изучении природы». Гегелевская идея тождества бытия и мышления рассматривается в данных письмах с материалистической и диалектической точки зрения. Сам принцип тождества означает совпадение мысли с действительностью, т. е. — признание познаваемости мира, бытия, природы. Это тождество анализируется мыслителем с онтологической и гносеологической точек зрения и сопровождается критикой понимания процесса познания в механистическом материализме и диалектическом идеализме. При этом герценовский анализ носит системно диалектический характер. Исследователь не останавливается на критике, но предлагает подход, в котором диалектически снимаются критикуемые взгляды.

С точки зрения Герцена, метафизический (механистический) материализм онтологически не смог решить проблему тождества бытия и мышления, потому что не смог раскрыть связь сознания и природы по причине антидиалектического подхода. Вещество, природу в целом следует понимать как становящуюся, развивающуюся. Герцен, чтобы выразить эту мысль, использует понятие «жизнь», которое, по его мнению, позволит слить воедино вещество и мысль. Процесс развития природы венчается человеком, обладающим способностью мыслить, т. е. познавать внешний мир и бытие в целом. Человек, будучи частью природы, подчиняясь ее законам, во взаимодействии с природой способен адекватно отразить ее содержание. Философ подчеркивает естественность, природность мышления: «... сознание вовсе не постороннее для природы, а высшая степень ее развития... <...> Человек — не вне природы и только относительно противоположен ей, а не в самом деле; если бы природа действительно противо-

речила разуму, все материальное было бы нелепо, нецелесообразно» [4, с. 251]. Естествоиспытатели не должны враждовать с логикой, они должны понять, что «законы мышления — сознанные законы бытия» [4, с. 237].

Идеализм, отмечает Герцен, тоже, в сущности, не решил онтологически проблему тождества бытия и мышления, ударившись в другую крайность. Идеалистическое мировоззрение замкнуто в сфере чистой мысли, отрывает сознание от реальной почвы, растворяет природу в разуме, вещь превращает в ничто. Гегель, признает Искандер, преодолел разрыв между мышлением и бытием, но за счет логизации всего сущего. Согласно Герцену, движение, жизнь самой природы сильнее разума. Диалектика — это закон существования самой природы. В ней все взаимосвязано, противоположности существуют в единстве, поэтому процесс ее познания должен носить диалектический характер.

В научном процессе познания для достижения истины, настаивал отечественный философ, необходимо преодолеть крайности эмпиризма и рационализма. Ограниченность идеализма состояла в том, что он отвергал жизненный опыт, опираясь на умозрение без опыта. Герцен делает важный вывод: идеализм естествознанию ничего не дал, так же, как ничего не дал для практической жизни людей. Отечественный мыслитель в «Письмах об изучении природы» высказывает мысль, которая и сегодня звучит весьма актуально: процесс познания сложен, противоречив, и чтобы получить истинное знание, естествоиспытатели должны сознательно руководствоваться научной методологией, которая разрабатывается в философии.

Проблема научной истины была предметом рефлексии и Н.Г. Чернышевского, который, как и А.И. Герцен, прошел хорошую школу гегелевской диалектики и очень высоко ценил систему взглядов, разработанную немецким мыслителем. Однако, как он сам отмечал, не принял его идеализм. В 60–80-х годах XIX в. проблема истинности научного знания приобретает необычайную актуальность, что было обусловлено, с одной стороны, развитием естествознания в России, с другой, — распространением идей раннего позитивизма, затем эмпириокритицизма. Вместе с ними приобретают популярность идеи Беркли, Юма, Канта. Позитивистские учения базировались на открытиях естествознания, поэтому анализ гносеологических вопросов Чернышевский связывает с *практикой* научного познания. В ответ

на запрос своего времени Чернышевский пишет специальную статью «Характер человеческого знания», но проблема истины затрагивалась им и в других работах. Акцент Чернышевским делается на проблеме относительности знания и истины. Мыслитель прозорливо связывает агностицизм и скептицизм с субъективным идеализмом. Агностицизм он называет «иллюзионизмом»: «На языке той философии, которую мы будем называть иллюзионизмом, выражение “относительность человеческого знания”, заключается в том, что все наши знания о внешних предметах — не в самом деле знания, а иллюзия» [5, с. 148]. Логика скептицизма рассматривается на примере простого вопроса, можем ли мы утверждать как истину, что человек имеет руки и их у него две. Суть скептицизма формулируется мыслителем следующим образом: «... мы знаем лишь наши представления о предметах, самих же предметов не знаем и не можем знать» [5, с. 147].

Чернышевский вскрывает исходную ошибку натуралистов как софизм: «Зависимость знаний от человеческой природы принято у натуралистов называть относительностью человеческого знания. Но на языке той философии, которую мы будем называть иллюзионизмом, выражение “относительность человеческого знания” имеет совершенно иной смысл. Оно употребляется, как благовидный, не шокирующий профанов термин для замаскирования мысли, что все наши знания о внешних предметах — не в самом деле знания, а иллюзия» [5, с. 148]. Чернышевский, как и Герцен, обращает внимание на последствия незнания философии, низкой философской культуры естествоиспытателей, которые в таком случае оказываются безоружными перед философской софистикой.

На наш взгляд, несомненной заслугой Чернышевского является анализ гносеологических оснований агностицизма и скептицизма. Во-первых, он обосновывает, что одной из причин агностицизма является конкретно-историческая недостаточность, ограниченность наших знаний, которая абсолютизируется агностиками: «Наши знания — человеческие знания. Познавательные силы человека ограничены, как и все его силы. В этом смысле слова характер нашего знания определяется характером наших познавательных сил» [5, с. 157]. Однако в процессе познания горизонт наших знаний о природе расширяется и углубляется. Далее умело и доходчиво раскрывается диалектика абсолютной и относительной истины. Во-вторых, отечественный мыслитель вскрывает такую гносеологическую причину агностицизма

как «преувеличение роли субъективного элемента в чувственном восприятии» [Там же].

В русской философии Чернышевский делает шаг вперед в гносеологии, указывая, что вопрос об истинности нашего знания, в конечном счете, решается на практике, именно она является критерием истины. «Практика великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах чувства и мысли. Поэтому-то в науке ныне принята она существенным критерием всех спорных пунктов. “Что подлежит спору в теории, на чистоту решается практикой действительной жизни”» [5, с. 390]. В этом важнейшем вопросе он пошел дальше Герцена, у которого критерий истины лежит в разуме.

В отечественной философской мысли XIX века мы находим еще одно остающееся актуальным исследование проблемы истинности наших представлений о мире и самих себе. Данная проблема осмысливалась представителем русского органицизма — Николаем Николаевичем Страховым. Его обращение к данной проблематике обуславливалось не только уже названными причинами, но и распространением во второй половине века такого модного поветрия как *спиритизм*. Следует подчеркнуть, что в определенном смысле Страхов подхватывает некоторые методологические идеи Герцена и развивает их.

Касаясь научной истины, философ четко исходил из того, что объектом науки является мир, природа и целью научного познания является истина. Так, в работе «Мир как целое» он пишет: «Наука имеет постоянно одно и то же содержание, одну и ту же неизменную цель — истину. Наука не может существовать ни одного дня без уверенности, что она может достигать истины, что она даже заключает ее в себе в некоторой степени. История науки, следовательно, имеет только один смысл: она представляет стремление к большему и большему раскрытию истины, а не ряд бесконечных, быстрых или медленных переворотов» [6, с. 345]. Мы видим, что наука, согласно Страхову, и признание истины неразрывно связаны, одно без другого невозможно. Если вспомнить современную трактовку истины в постмодернистской философской мысли, то понятно, что она ведет к признанию невозможности науки.

У Страхова различаются истина и мнение, что ныне, как правило, не различается. Он подчеркивал, что *истина одна*. Следуя Гегелю,

Страхов обосновывал, что истина есть органический процесс познания и существует в рамках системы знания. Как органицист, ученый во взглядах на мир исповедовал антропоцентризм, что давало возможность онтологически обосновать познаваемость мира человеком. Кроме того, антропоцентристское представление предполагало понимание человека как высшего существа в мире, стоящего в универсальном отношении к миру и универсальность его самого как познающего субъекта. Процесс познания бесконечен, и для человека нет никаких принципиальных преград в познании мира.

Весьма актуально выглядят рассуждения Страхова о научной и популярной истине. Популяризированное знание носит отрывочный характер, оно внесистемно, поэтому содержит «всякого рода ошибки и предрассудки», которые долго сохраняются в общественном сознании. Поэтому с популяризацией научных представлений, открытий, по его мнению, надо быть крайне осторожными.

Для органицизма характерна стратегема целостности. Подвергая рефлексии процесс научного познания, мыслитель, как и Герцен, настойчиво доказывал необходимость единства эмпирического и теоретического познания, включая и умозрительный уровень. Критика Страховым эмпиризма ныне не утратила своей актуальности. В его работах убедительно звучит мысль об ограниченности эмпиризма, его безотчетности: он не может осмыслить не только процесс познания, но и самого себя, свои возможности и границы. В страховских работах по методологии научного познания утверждается необходимость единства, как умозрения с эмпирией, так и естествознания с философией.

В книге Н.Н. Страхова «О вечных истинах. Мой спор о спиритизме» на современном уровне рассматривается диалектика абсолютной и относительной истины. Страхов понимал, что убыстряющийся процесс развития научных знаний будет иметь следствием распространение релятивистских трактовок истины. Он предупреждал, что «...если мы, ... будем считать неверными и шаткими все положения действительно-существующих наук, то прямой вывод из этого — полный скептицизм, совершенное неведение. Такая мысль есть отрицание научного духа, есть противоречие самой идее, созидающей науку. Наука предполагает возможность познания; истины, ею добытые, могут быть дополнены, расширены, обобщены, но не выкинуты за борт, как негодные. В этом состоит тот твердый и торжественный ход, которым идет ныне естествознание, а не в том, что оно будто бы ни единой

истины не считает непреложною» [7, с. 50]. Мыслитель с позиций диалектики критиковал тех натуралистов и философов, которые считали, что признание абсолютной истины ограничивает их свободу познания и научного творчества.

Таким образом, можно констатировать, что все три мыслителя признавали, что истина может быть только объективной, будучи адекватным отражением содержания объекта. Иными словами, они придерживались классической трактовки истины и внесли существенный вклад в ее разработку, поэтому их наследие может служить основой для критического осмысления новейших постмодернистских концепций истины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Метафизика // Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
2. Маслобоева О.Д. Органическая концепция истины как основание культурной идентичности // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 4 (208). С. 119–128.
3. Страхов Н.Н. Органические категории: [По поводу статьи г. Эдельсона «Идея организма». «Библиотека для чтения» 1860 г. № 3] // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 116–124.
4. Герцен А.И. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 592 с.
5. Чернышевский Н.Г. Избр. философские соч. М.: ОГИЗ, 1938. 588 с.
6. Страхов Н.Н. Мир как целое. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1892, 2-е изд. 582 с.
7. Страхов Н.Н. О вечных истинах. Мой спор о спиритизме. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1887. 130 с.